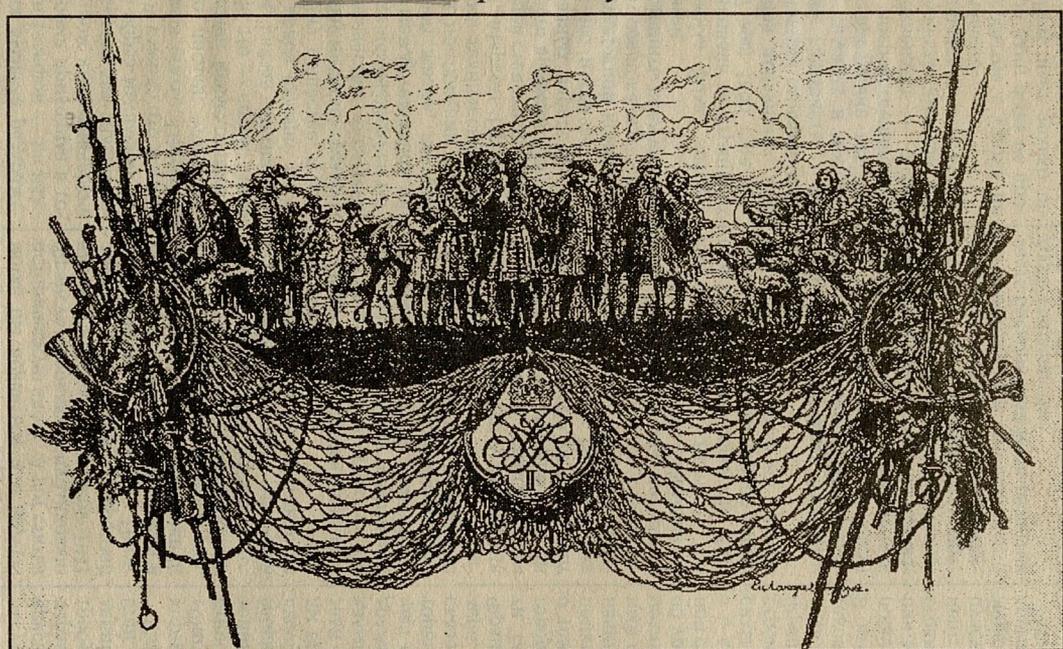

Незабываемая галерея - 1996 - 2-й том - с. 4.

ВОСПИТАННИК СЫРОЙ ПОГОДЫ, ОН О ДРУГОЙ НЕ ХЛОПОТАЛ

Выставка Евгения Лансере в Музее личных коллекций

Заставка для книги Н.Кутепова «Царская и императорская охота на Руси». 1902 г.

Николай Малинин

Мир искусства

ВЕГО РИСУНКЕ была почти архитектурная четкость. И даже лучшие картины (все эти корабли и петербурги) — кажутся скорее раскрашенными чертежами. Что, наверное, вполне естественно: прадед строил «Маринку», дед — Петергоф.

Вообще «синтез искусств» в семействе Кавос — Бенуа — Лансере — Серебряковых не был какой-то сверхидеей; музыка застыла в камне, а слово сочилось краской благодаря природному «кровосмешению» муз. Профессионализм по-прежнему почитался, но семейные узы располагали к универсализму.

(Эссеизм становится знаменем, а потом и знаменем эпохи; это не Петр с Екатериною любят фейерверком (они-то к нам спиной) — это Евгений Евгеньевич Лансере любит ее ими!)

Архитектура, посол Его Величества Прогресса (почитавшаяся скорее за науку, чем за искусство), довела всем окрестным музеем. Как готика когда-то обрела почву в схоластике, так в Эйфелевой башне теперь вызревает философия конструктивизма. Любимым пейзажем становится городской, художник Васнецов строит абрамцевскую церковку, Манделштам начинается «Камнем». А главным сюжетом «мирискусников» становится Петербург.

Они взяли от архитектуры точность, стройность, декоративность; из тяжести недоброй — создали прекрасную, невыносимую легкость. Каждую свою виньетку, каждую буквицу Лансере строит, словно особняк. Как точно ложатся его штрихи косями струями дождя; как верно расплывается лужею нечаянная капля туши. Какой узор: отточенный и меткий. Сколько в этих «чертежах» питерской аристократичности, галантной геометричности; как шел ему весь этот XVIII век — подробный, мелкий, копошащийся! Вальс старинных дам, вальс клаксонных гамм, вальс огней реклам, вальс дождей.

...В графике есть некая смиренность, сознание своих скромных сил. Мир в цвете — известно чья работа. Тягаться с ним глупо. (И какое-то почти голтовское лукавство; полюбиле, мол, нас черно-беленькими). Черное-белое, белое-черное; мы выбираем, нас выбирают. Все просто, как на шахматной доске. «Сладко нам думать, что мы движемся в плоскости», — писал в 1902 году Андрей Белый, — «крутом гладко, ясно, плоско. Путь освещен. Путь освещен — нога не споткнется.» Да, в этих заставках и шмуцтитлах не было глубины, трехмерности. Декорация, прелесть: ибо жизнь казалась прекрасной. Пока не споткнулись. И третьим цветом времени стал — красный.

...Лансере-старшего сложновато зачислить в гении (табуны его милых лошадей, коими лабуны МЛК, пасутся и на этой выставке); вряд ли у природы была мысль отдыхать на сыне. Но слишком тяжел груз семейной всепричастности: дедушки строили, папа лепил, дяди вообще все умели (трое братьев Бенуа), сестра Зина (по мужу — Серебрякова) тоже оказалась чертовски талантлива. Баловалась искусством и матушка: вот юный Женя с хлыстиком, деревянный лошадок и солдатиками. (Все это потом окажется в его рисунках; «мирискусники» первыми воспоют поэтику игрушечности).

«Самым интеллигентным русским художником» назвала Евгения Лансере на открытии выставки директор ГМИИ Ирина Антонова. Да, здесь все это остро чувствуется: взвешенность, осторожность, умеренность, аккуратность...

«Культурный слой» сдерживал прорастание оригинальности. Бывал раскован — когда чувствовал себя «приложением» (к науке, истории, политике). Его знаменитые заставки к статье Уистлера: графическое великолепие вне всякой связи с содержанием («Книга не нуждается в дополнении иллюстрацией, буквально следующей за текстом», — скажет потом Матисс, иллюстрируя Джойса).

Он слишком любил минувшее, чтобы скидывать кого-нибудь с парохода современности. А в русской тесноте без того, чтоб кого-то скинуть, самому не протолкнуться. (Впрочем, еще Джошуа Рейнольдс говорил по этому поводу: «Если змея не съест змеи — не делается драконом»).

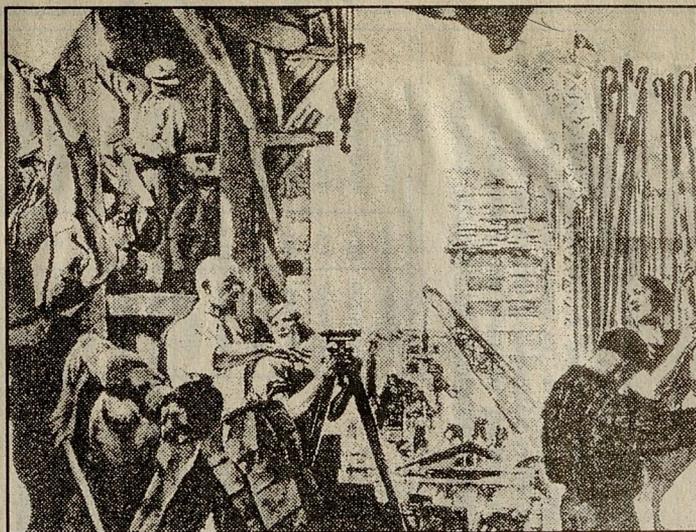
Ему было хорошо в своей команде. Когда ворота закрывал Бенуа, выкладывал гениальные пасы Добужинский, заносило в офсайд Сомова, «открывался» Бакст — так легко было летать левым краем и опасно простреливать вдоль ворот. Но чего-то своего, что требовало бы утверждения, — у него не было: ни презрения к идейному искусству (Бенуа), ни урбанистской драмы (Добужинский), ни эротической озабоченности (Сомов), ни те-

от которого Евгений Евгеньевич так и не излечился. Логичным было и его активное участие в сатирических журналах первой революции.

Среди «мирискусников» Лансере был наиболее предан идейному духу русского искусства, его нравственным принципам. «Я раньше всего хочу правды, какова бы она ни была», — этой фразой открываются все монографии о Лансере. Неслучайно, в отличие от собратьев, — был в ладах с Толстым. Граф одобрил его Елизавету («А мне она очень нравится, особенно хорошо в ней передано это безобразное величие»), а за иллюстрации к «Хаджи Мурату» Лансере получил академика.

И не то грустно, что воспевал Сталина (росписи тифлисского музея), а то, что стилистика этого воспевания сохранила свою натуралистскую пресность. Иллюстрации к «Хаджи-Мурату»: необычайно плоские, в сатиричности которых тает всякая многомерность. «Красные партизаны Дагестана спускаются с гор на защиту Советской власти»: тут не название смешно, а то, что картина практически повторяет Хаджи Мурата, также спустившегося с гор во главе своего отряда (только гораздо раньше).

Но, видимо, такова была его

«Москва — стройка». Эскиз росписи ресторана Казанского вокзала. 1933 г.

атральности (Бакст). Разве что тревога за судьбу народа: но какое это отношение имеет к искусству?

Как самый младший среди «мирискусников», Лансере был наиболее наивен в стремлении к прекрасному. Потому с легкостью вкладывал дар в чужое дело. Будь то книга «черносотенца» Кутепова, особняк Тарасова, Казанский вокзал, фарфоровое производство Е.И.В. Друзья-архитекторы (Щуко, Щусев, Жолтовский, Таманян) выручили его, когда команда «МИ» распалась. А потом оказалось, что и новой эпохе нужно то же самое: самоутверждение классикой. Благодаря зодчим он — единственный из «мирискусников» первого призыва — стал полноценным советским живописцем. Лауреатом Сталинской премии, народным художником РСФСР.

...На выставке: голые стволы, большая вода, и единственным красным пятнышком в серо-коричневой гамме — шапочка девушки. Что, конечно, наводит на мысль о заимствовании приема у Серова, поселившего — таким же маячком — флакон духов в темном бударе Генриэтты Гиршман. Однако две тетушки, озабоченные, по-видимому, денонсацией (или как там ее?) сделали иной вывод: «1917 год? Разлив? Все понятно: тут Ленин скрывается. А девушка — это Инесса Арманд!» Вот такие вот коннотации: расплата за кошмарное панно станции метро «Комсомольская».

Кто бы мог предположить, что ружье пролет там, где Бенуа дразнил «Женяку» Лансере «революционером». («Ты очень увлекаешься политикой, но это по недоразумению», — писал первый вратарю в 1906 году). Недоразумение? Скорее недоумание,

судьба: пройти везде по второму кругу. Лансере, словно преступник (раскаившийся?), возвращается на места преступлений: через 30 лет после работ в Большой Московской гостинице — разрисует плафон ресторана гостиницы «Москва», в 1946-м вернется доделывать потолки Казанского вокзала, начатые еще в 1916-м.

Это был гениальный график. Ловкий виньетист, тонкий иллюстратор, бесподобный мастер буквиц и заставок. К сожалению, на выставке всего этого мало. Представлены только частные собрания плюс архив семьи; без участия Третьяковки и Русского музея. Нет ни знаменитых кораблей, ни Петра, ни Питера, вообще — всего того позапрошлого века, любовью к коему столь любил ружье последних двух.

60 лет неустанного труда. Эпохи лязгают бамперами, колеса пробуксовывают, в зеркальце мелькает призрак современная. Григоревич в гробу. Овощное изобилие 43-го года. Судейкинская изумруд «Озера Гек-Гель» (на дворе, меж тем, 45-й). Вялые грузинские пейзажи (вспоминаешь Павла Кузнецова, который в те же двадцатые в киргизских степях безнадежно искал фон-таны, а натякался на миражи коллективизации).

Колонны Казанского собора: словно сваи, вбитые в Екатерининский канал. Юрьеvec, увековеченный Левитаном как столица пасмурности, — у Лансере он по-синьяковски праздничен: оранжевое небо, оранжевое море. «Прогулка»: если бы не была гордыстю МЛК, была б гвоздем выставки.

И, может быть, лучшее его произведение — это он сам: молодой, красивый, благородный, аристократичный. Как на портрете Сомова (которого на выставке, правда, нет).